ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

К Р И Т И К А

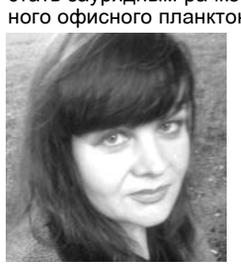
ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 8(262) – 2018

Лёд под ногами

Юлия БУТАКОВА

"Дневник одного провинциала" Романа Сенчина

Всем вручили по жизни,
а нам – по судьбе,
Словно сразу аванс и расчёт.
Борис Рыжий



"Дневник одного провинциала" отмечен как "финалист премий" "Национальный бестселлер", "Русский Букер", "Большая книга"; радует, что это произведение не обошли своим вниманием крупные отечественные премии; недоумение возникает оттого, что автор – лишь "финалист", не "лауреат". Жаль, действительно жаль, потому что книга – стоящая, стоящая читательского внимания, усилий критики, денег, затраченных на её покупку, имеющая все шансы остаться надолго в серьёзной литературе.

Действительно – ручная работа" на фоне завалов откровенного литературного брака, создаваемого жертвами литературной глобализации… Примета возвращения в арсенал современного русского писателя серьёзной темы, качественного русского языка (в любом случае – с использованием нормальной русской речи с редчайшим включением ненормативных лексем, исключительно – с целью подчеркнуть приметы времени) и достойных инструментов для создания портрета "героя нашего времени". Белая ворона среди унылых мрачных ворон в огромном букеровском вороньем гнезде.

Сюжет. К "зацепившемуся" восемь лет назад в Москве провинциалу Денису Чащину приезжает из города детства некогда лучший друг Димыч. Здесь уместна небольшая предыстория – для введения в курс дела. У Дениса – неплохое место работы в конкурентоспособном журнале "Твой город" с офисом на Пятницкой, квартира в районе метро "Варшавская", которую ему уже несколько лет, не ведая ли обстановки на рынке сдачи-найма жилья в столице, либо просто привыкнув к аккуратному жильцу, сдаёт добродушная московская старушка, "шестёрка" (всего-то – 1997-го года выпуска) – всё не в метро толкаться.

Работа, что называется, – "не пыльная". С утра пьёшь кофе, читаешь новости в интернете, просматриваешь сайты, а там и обед; после него – снова за компьютер, болтаешь с коллегами, куришь, глядишь – и вечер. Аврал случается лишь по средам, когда сдают очередной номер журнала в типографию. Изредка начальник, друг юности Игорь (Игги), будоражит душу предложением сходить как-нибудь на рок-концерт, тряхнуть стариной… Как-никак и сам Денис (Дэнвер) когда-то считался "ярким представителем сибирского бард-панк-рока". Но всё давно сменилось "одноцветным благополучием". Бесчисленные "вписки", бродяжничество с неизменным "Джипсоном" в обнимку, тусовки в ночных клубах, случайные приятели, мечта о серьёзном собственном выступлении, записи на английской звукозаписывающей студии, пухнущая тетрадка с текстами собственного сочинения, рваная майка с надписью "Sex pistols" и обритая наголо башка – на "одноцветное благополучие", но, увы, без любимого рока.

Краткая эволюция, которая возможна только в мегаполисе, с его бешеным ритмом жизни и жёсткими условиями выживания, от "упорного многолетнего борца с благопристойностью" – к образцовому представителю этой самой "благопристойности", знакома Чащину не понаслышке. "Клоуны", не попавшие в поток этой эволюции, остались в провинции; те же из них, кто сумел остаться в столице и сделать музыкальную карьеру, давно поют другие песни…

Чащин, фактически, – это "герой нашего времени". А героями нашего времени становятся те, кто сумел своевременно избавиться от своих иллюзий. Бывает так, что само время неправо и диктует людям свою волю, с которой большинство соглашается, но не все, а иные – умудряются жить со своими мечтами и иллюзиями, даже если те чрезвычайно усложняют им жизнь. Сумел же Чащин перевоплотиться в рядового, по сути, клерка, без особых сожалений стать заурядным рачком многомиллионного офисного планктона… А совсем недавно мечталось стать известным рок-музыкантом. Не получилось стать "солистом группы "Круиз" и будущим Майклом Джексоном", как поётся в известной песне Владимира Кузьмина. Но так ли просто далось ему расставание с самим собой? Видимо, потому так неуютно ему рядом с Дегтярёвым – бывшим военным лётчиком, временами печатающим в "Твоём городе" нерейтин- говые очерки о поездках "по Руси" – под молчаливое одобрение редактора Игоря. Дегтярёв состоялся, целиком и полностью, при старом режиме и поэтому может не стесняться осуждения окружающих. И иллюзии свои он сумел сделать профессией, хобби, сутью своей жизни и стержнем своего характера. Потому что время требовало от него иного, нежели сегодняшний день – от поколения Чащина.

Старый лётчик чувствует ответственность перед жизнью и боится чего-то не успеть; у молодых жизнь – чистая экзистенция, не обременённая рефлексией. Даже женщину полюбить им некогда: Чащин много лет довольствуется платными встречами с постоянной девушкой, к которой он не испытывает ничего, просто – привык к ней. Дегтярёв на последней посиделке искренне желает молодым собутыльникам: "Я пожелать хочу… Пожелать вам хочу, чтобы не забывали, что вы – мужики. Сейчас всячески мужиков изводят. Превращают… даже не знаю в кого. Во что". Старик издали угадывает этот надоедливый звон, но чувствует, что мелодия – иная и не к добру она нынешнему поколению. Мало ему жизнь отображать, как фотография, нужно жить по законам искусства, а "задача искусства – людей воспитывать". Не плыть по воле волн, а сделать лодку и, если нужно, – плыть против течения… Обабливаются мужики – вот главная печаль Дегтярёва. Чащин и Игорь далеко не "слизняки с мошонкой", но рассуждения военного лётчика отчего-то тревожат их, а Чащина как свежеиспечённого конформиста – угнетают и злят. Игорь подводит итог затянувшемуся застолью короткой фразой: "В Москве вообще трудно быть настоящим мужчиной…". И Дегтярёв ему оппонирует: "Мужиком везде трудно быть! За это бороться нужно, как за всё в природе… И вы, ребята… прошу, требую! – осторожнее будьте. Засосёт эта зараза и – конец. И не заметите сами, как колготки потянет примерить, глаза подкрасить". И Чащин ёжится.

Тяжела жизнь человека, редко прикладывающего физическую силу: суббота – рай (любимые фильмы, компьютерные игры, модные радиостанции, говяжий бифштекс, холодный "Туборг"), а воскресение – ад (субботние забавы кажутся пустыми, и хочется, чтобы кто-нибудь позвонил, да ещё на глаза попадается стоящая в углу гитара).

"Заносы, юз, пробуксовки, бешеная тряска, опасность перевернуться и слететь под откос" начались после случая со старухой-соседкой: ту понадобилось довести от квартиры до машины "Скорой помощи". Чащин и его молодой сосед неохотно, но всё-таки исполняют эту неприятную обязанность. Провинциальное сердце Чащина оправдывается перед самим собой: "Лет через тридцать, может, и нас так же будут". А тут ещё сон подоспел в руку: снятся ему родные деда и баба, дом детства с запахами утренних блинов и пельменей, печного дыма и горлодёра… После их смерти дом детства сгорел – казалось, детство сгорело вместе с ним.

Так хотелось чуда после знаменательного сна: вот бы свалилось с неба 70 тысяч долларов – тогда можно и влюбляться, и жениться, и детей заводить. Чудно: раньше это было жизненной потребностью, а сейчас – роскошью, доступной не всем. А может, прожить свой срок так – без чуда? С ним очень хлопотно… И чудо случилось. К Чащину заявился друг детства Димыч. И он с интересом и брезгливостью, которую раньше чувствовал по отношению к себе, наблюдает за Димычем и одновременно вспоминает общее детство: пластилиновые солдатики, первое прослушивание "забугорной" музыки на новеньком кассетнике...

Головняк на неопределённое время был обеспечен. У Димыча одно преимущество – надёжная вписка; если приплюсовать к ней арсенал е-мэйлов, телефонов и убийственную энергию – возможно, у этого провинциала-переростка что-то выгорит. У Димыча свои планы – не просто пробиться на рок-Олимп, – попасть во вновь созданный Союз молодой протестной интеллигенции. А вот это Чащину точно не нужно. Возвращать рок, анархизм и государство, какими они были до 91-го года, он не собирается, хотя и числится в "обманутом" поколении. Он нашёл свою нишу в паноптикуме российского капитализма. К революциям он не готов, хотя годовщина Первой русской – обязывает…

Ещё свежи в памяти воспоминания о срочной службе на советско-финской границе и о том, чем всё это закончилось. До дембеля Чащину оставался месяц, но тут грянул переворот, власть присвоила ГКЧП… Дембель откладывался на неопределённый срок. Военное руководство заставы не скрывало радости: "Расслабухи теперь не будет. Хватит! Дорасслаблялись". Военные всегда чутко реагируют на попытки развалить государство. И Чащин чувствует, как какая-то тяжесть наваливается сверху, и нет ни воли, ни сил её сбросить:

А мы лёд под ногами майора.
Мы лёд под ногами майора.

Невидимый, но вполне ощутимый "майор" отныне – вечный спутник "обманутого поколения". Но взросление состоялось, и теперь Чащин – благополучный буржуа, который шарахается от видений прошлого...

...Но заболевает от них, потому что не подлец, и прошлое так же дорого ему, как и приезжему приятелю. Просто он не пытается извлекать из него дивиденды. "Выздоровление произошло в субботу утром": Денис вернулся в свою колею (рынок – закупить продукты, Сбербанк – снять деньги с карты и залатать брешь, пробитую гостем). Но из уютной однотонности его вырывает звонок квартирной хозяйки, которая, извиняясь и оправдываясь, просит освободить квартиру к лету. У Чащина от новости "в груди сжалось, надавило и лопнуло, как ударившийся об асфальт шарик с водой. И горячая волна изнутри окатила его, залила уши, глаза, заполнила лёгкие. Стало невозможно дышать". Придётся искать новую квартиру. Казалось бы, не проблема. Но Чащина, пережившего 90-е, Чащина, у которого когда-то выбили из-под ног землю и заменили её хрупким ледком, это дезориентирует как никого иного. Пережив за короткую жизнь цепь потрясений, которые выпали его поколению, он оказывается совершенно беззащитен перед бытовой неурядицей. Это напомнило мне сюжет рассказа Чехова "Смерть чиновника": "внутри у него что-то оборвалось, он пришёл домой, лёг на диван и умер". Сама манера изложения у Сенчина напоминает чеховскую: он отстраняется от героев, даёт им волю высказываться обо всём, не спорит с ними, но напряжение текста от этого усиливается.

Он снова грезит о доме детства, наслаждается разговорами с бабой и дедой, ароматом печёной в русской печи сдобы, утыкается в тёплую, мягкую бабушкину грудь и, кажется, засыпает. Он ещё успевает приоткрыть глаза, уловить взглядом огнистые всполохи и тени на потолке, услышать шум ночного города и почувствовать в груди "мёртвую тишину и бездвижность". Он пытается понять, что случилось, но уже не успевает. Он умер? Не верю. В нём что-то умерло, что было дорого, но что ему удалось обесценить своим циничным шагом (ослабил струны на гитаре и убрал её за шкаф, чтобы не было больше соблазна взять в руки)? Вероятнее всего. Так проходит кризис среднего возраста? Возможно. Не хочется принимать всё буквально. Ведь "Лёд под ногами" – не дневник, а хроника, которая является фактом новейшей истории, а новейшая история редко воспринимается её свидетелями однозначно, но которой уготована участь библиографической редкости у ближайших потомков. Следует ожидать появления в современном литературном процессе подобных книг. Потому что как хроника этот роман – бесценен. Чащин из тех героев, которые, растеряв самое дорогое, становятся "отморозками", и авторы классической литературы их обычно "убирают". Но во мне всё протестует против такого "расклада".

Моё поколение, лишённое когда-то не только будущего, но и настоящего, имеет право на элементарную материальную стабильность и светлую ностальгию по прошлому. Возможно, Чащин, по умолчанию, подлежит ликвидации, как в средневековой Японии – женщины, рождённые в год Тигра… Но это – тема для отдельного разговора.

Полная версия – на сайте

Маяк Маяковского

К 125-летию со дня рождения (19 июля 1893 – 14 апреля 1930)

Обветшал ли язык русский к началу двадцатого века? Рифма износилась точно: как платье, что использовали многие; рифма истрепалась, стала скучной, чуть ли ни вовсе не нужной. Нужно было перетряхнуть пласты языка – и изобрести новую рифму, давая образцы работы поэтам будущих поколений, и Маяковский, вламываясь в крепость литературы, принялся за работу с истовостью – и всей щедростью дара, граничащего с гением.

Не слышали ранее таких созвучий – и показались они грубыми… Не слышали, и не рассчитывали услышать: после нежной и грустной музыки символизма; не предполагали, что такою лестницей можно идти: с широкими ступенями лестницей нового стихосложения.

Маяковский гремел, блистал; слова сталкивались, как шары в бильярдной игре, которую он так любил, – и высекали, что искры, новые значения, а суммируясь давали неведомую доселе образность: дикую и яркую: в рост нарождавшемуся веку.

Кабы не эксперименты Маяковского с рифмой, вся сегодняшняя поэзия писалась бы верлибром…

Если бы не глыбы трудов горлана – развитие поэзии остановилось бы. Но он вершил труды – сквозь бездны преград и препятствий, сквозь мещанскую косность мировосприятия; он шёл от бездны, ведомый только ему, и бездна эта дала блестящую метафизическую победу – несмотря ни на что…

И на маяк Маяковского пошли корабли поэтов будущих поколений.

Маяковский и кино – демонический поэт – в плаще и шляпе итальянского карбонария... Или как?

Демоническая роль Маяковского в фильме "Драма в кабаре футуристов №13" – какой ещё может быть номер? Только такой...

Из Мартина Идена вырастает "Не для денег родившийся", ибо футуризм видел планету, купающуюся в солнце счастья изменённых отношений людей: но у денег своё мнение по этому поводу.

Не оттого ли не сохранилось ни одной копии фильма?

Более-менее отчётливо Маяковский-актёр и режиссёр представляется по ленте "Барышня и хулиган", хотя едва ли кто-то вспомнит рассказ, по которому он сделан; но выразительность хулигана, отмеченного живым монументализмом огромного (во всех смыслах) поэта, врезается в память так, что не вытравить.

Маяковского не мог не интересовать кинематограф – во-первых, он был будущим, как футуризм, во-вторых, есть нечто общее в принципе монтажа и построение стихотворения – особенно стихов Маяковского, чья монтажная лесенка сама часто организует зримые кадры.

Но, представляется, всё было бы иначе – иной яркости, – будь кинематограф во времена Маяковского более развит.

Впрочем, и той, дополнительной к поэтическому дару, яркости Маяковского в кино хватает.

Честь Николая Чернышевского

К 190-летию со дня рождения (24.07.1828 – 29.10.1889)

Его превозносили, потом низвергали; о нём писали восторженно – и ёрнически-виртуозно, шутовско, как сделал барин русской литературы Набоков – великий адепт стиля.

Александр БАЛТИН

Наименовав основную книгу "Что делать?", Николай Чернышевский утвердил в реальность русских интеллектуалов-интеллигентов сакральный вопрос, не имеющий ответа; вопрос, увы, столь же актуальный теперь, как и в его время.

Он был действительно нелеп в быту, во многом неудачлив по судьбе, но всё это меркло рядом с факелами его мужества и чести, которой он никогда не поступился.

Чернышевский-человек, вероятно, ярче Чернышевского-писателя, хотя рассмотренный трезво, без политических пристрастий и ярых споров, основной его роман совсем неплох, что доказывает хотя бы образ Рахметова, живущего среди нас, как живут персонажи старших русских классиков (или живших до недавнего времени, когда литература и впрямь была самосознанием народа – а что является таковым теперь? Не деньги же, претендующие ныне на роль – наше всё).

Образ, заражавший, гипнотизировавший: образ, камертоном определявший основной звук судьбы многим – хотя не многие способны были ТАК выстраивать свою жизнь.

И то, что в самом Чернышевском было достаточно от Дон Кихота, а донкихотствовать – честь, свидетельствует, что каменные валы времени отступают перед светлою силою этого (такого смешного в быту с точки зрения успешного словесного барина Набокова) человека.

Да и без романа "Что делать?" невозможно представить литературу русскую.

Щёголь и спортсмен, эстет и барин, удачливый семьянин и энтомолог, насмешник и… Набоков никак иначе не мог писать про тяжёлого – жизнью и нравом, много страдавшего Чернышевского: только так, чтобы поэт Кончеев оценил блеск и огонь ёрнического повествования.

Прямой и крепкий роман "Что делать?" врезался в массу сознаний, меняя их. Никакие витые опусы Набокова не отличались таким свойством – в основном, и рассчитаны только на получение эстетического удовольствия.

Оба были смелыми. Но жертвенность Чернышевского была чужда и непонятна Набокову, считавшему, хотя и без декларации этого, эгоизм – одной из лучших характеристик человека, ибо ведёт он к эстетическим победам. Других Набоков не ведал и не хотел. Его повесть в романе – о Чернышевском – действительно блестяща, но – пуста.

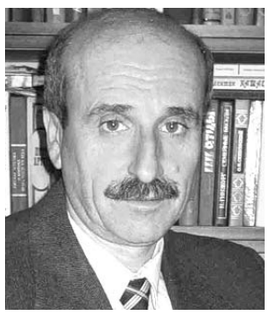
Ибо человечество живо бескорыстием и жертвенностью лучших своих представителей.

Метафизическая победа

В борьбе за морковный хвостик

Владимир СПЕКТОР

О романе Юрия Буйды "Стален"



В одном из интервью писатель Юрий Буйда назвал свою книгу "Стален" некой разновидностью плутовского романа. Но главный герой – талантливый литератор Стален Игруев, проходящий путь от начинающего до известного в определенных кругах, не очень, на мой взгляд, похож на плута, мошенника или авантюриста. Он – скорее наблюдатель, зачастую невольный участник событий, не отказывающийся ни от добра, ни от зла, но при этом настойчиво стремящийся понять и проанализировать суть происходящего и происходившего. Он словно продолжает линию героя ещё одного романа Буйды "Вор, шпион, убийца", который утверждает, что каждый настоящий писатель, рождая в муках свои нетленные труды, обязательно должен воровать чужие впечатления, шпионить за мыслями и убивать мгновения жизни, сохраняя их лишь на бумаге и в своей памяти. Во всём этом Стален преуспевает, становясь случайным свидетелем или почти участником убийств не вымышленных, а реальных. Да и приключения герой, чьё имя, кстати, не имеет ничего общего с фамилиями вождей былых революционных времен (в нём просто объединены имена родителей – Станислава и Лены), претерпевает удивительные. Этим он, вероятно, и близок героям плутовских сочинений. Чередой любовных интриг и интрижек (всё на грани между войной и миром, эротикой и порно, и Стален балансирует на этой грани), неожиданных встреч и событий, в процессе которых в алкоголе (а иногда и в крови) можно не только захлебнуться, но и вовсе утонуть. И всё это на фоне тех самых страшных и разрушительных 90-х, которые принято называть "лихими", и которые мучительно и неторопливо сменились относительно спокойными и сытыми нулевыми. Но, всё же, главное отличие, которое делает атмосферу романа вовсе не плутовской, – это постоянные мучительные и глубокие размышления его героев о трагизме истории и непредсказуемости судеб, о том, что вопросы "зачем", "за что" и "почему" по-прежнему не имеют ответов. И эти размышления, наблюдения, переживания, разговоры становятся основой рассказов Сталена.

"…теперь я должен был говорить от первого лица – писать собственной кровью… Писатель не вспоминает – он сочиняет воспоминания, балансируя между игрой ума и памятью сердца. Способен ли я выдержать этот баланс, восполнив жизнь и не погрешив против памяти сердца? Способен ли всецело довериться памяти и речи? Способен ли оставаться твердью, отдаваясь потоку? Я стоял перед выбором, и это был тот еще выбор – между адом и адом… По щекам моим текли слезы, с протяжным скрежетом открывались врата преисподней, запах крепкого табака смешивался с терпким духом палой листвы, часы били полночь, я сгорал от высокого стыда, вспоминая, как сгорал когда-то от стыда низменного, я был захвачен сладкой и горячей радостью, кипевшей в моей крови и шибавшей в голову; Господь торжествовал, дьявол был взнуздан, все были прощены, и никто не был проклят…".

Читательский отзыв на книгу утверждает, что знакомство с ней – занятие не только увлекательное, но и полезное, поскольку вовлекает в процесс размышления и сопереживания. Замечено точно. Вместе с героем, его друзьями и коллегами, возлюбленными и случайными собеседниками читатель участвует в обсуждении и осмыслении событий прошлого и настоящего, истории и современности. И, независимо от позиции героев и персонажей, возникает чувство сопричастности, пробиваясь сквозь броню традиционно небрежного равнодушия и "пофигизма", а это уже неплохо. Мечущийся, ищущий дом, друзей, любовь, в конце концов, себя, Игруев, тем не менее, стремится в жизни занять позицию "углового жильца", отстраненного соседа-наблюдателя, пытающегося быть "над схваткой", ничего ни от кого не ждущего и никому ничем не обязанного. Но получается это у него не очень удачно, ведь жизнь, как сказано, берет своё даже у тех, кому ничего не даёт.

"Большая родина у меня была – шестая часть земной суши с трехсотмиллионным населением, говорившим на ста тридцати двух языках, плавильный котел истории, в котором столетиями бродило, пенилось и кипело наследие русских самодержцев, татарских ханов и немецких князей, а вот своего дома, чувства дома – не было. Я был пассажиром, человеком на подножке вагона, гостем всюду, а хозяином – нигде".

"Все мы в этом мире только гости" – пропела когда-то Татьяна Снежина, но вряд ли её слова утешали Сталена. Хотя, утешать его было всегда кому. И утешать, и вести душеспасительные беседы. О чём? О многом, но, прежде всего, о выборе собственного пути, о том, что движет каждого из нас к заветной цели, но какова она, цель?

"Выбор пути, который делает человек, и выбор человека, который делает путь, это, в сущности, один и тот же выбор, превращающий человека в существо двойственное, обладающее природой и ангельской, и дьявольской, всегда способное вознестись к высотам жизни и всегда готовое пасть ниже мерзких тварей. А потому вся жизнь человека, даже если он всего-навсего простой потребитель собственного тела, сводится к неустанной борьбе за свое "я", каким бы оно ни было, к борьбе за ту золотую искорку исключительности, за тот морковный хвостик, который придает хоть какой-то смысл его существованию, к той борьбе, в которой не бывает ни побед, ни поражений и которая почти всегда сводится к тому, чтобы не забыть завести будильник перед сном… Морковкин хвостик – этого довольно, чтобы не умирать прежде смерти".

Морковкин хвостик в виде несбывшихся желаний, мечтаний, нереализованных планов ведёт по жизни, будоражит, не даёт покоя, и поиск ответов на вечные вопросы не прекращается ни на миг. И собственные неприятности, переплетаясь с общими бедами, рождают прихотливую вязь, сквозь которую проглядывают вперемешку моменты быта и бытия. Собеседники у Сталена обычно умные, осведомленные, ироничные. Среди них и литературная сотрудница толстого журнала, а по совместительству этакая советская гейша, чья служба "и опасна, и трудна", и её высокопоставленные покровители, другие подруги дней его суровых, коих, скажем прямо, немало, друзья-литераторы и журналисты, чей взгляд бывает сколь циничным, столь и пронзительно проницательным… И проносятся то ли в памяти, то ли в действительности, то ли в бесконечных разговорах картины из прошлой и нынешней жизни, в которых по-прежнему ничего не ясно, и у каждого собеседника свой взгляд на них, своя логика, свои интересы. Как могло произойти то, что произошло? В начале прошлого века, в 30-е, в 90-е годы… Кто знает правду? Никто. Но рассуждают о ней все.

"Люди, воспитанные в царской России, все эти адвокаты, офицеры, профессора, журналисты, учившиеся в старых университетах, поклонники Толстого, Фета и Чайковского, без видимых терзаний могли стать палачами, безжалостными людоедами, а их дети и внуки, выросшие в новой среде, в советских университетах, все это спустили на тормозах, а потом и вовсе прикрыли проект СССР. Ирония истории…".

"– И все-таки это была революция?..

– Возможно, контрреволюция. Но верх взяли не белые, а жадные. Те, кто имел власть без собственности, захотели исправить эту несправедливость. А красные и белые – их давно нет… Победители уже причисляют себя к белым, но не могут быть белыми дети и внуки генералов КГБ и членов ЦК…".

Но именно эти дети и внуки посеяли западный ветер, пожали восточную бурю, бессмысленную и беспощадную. Её последствия преодолевали все, попавшие в эпицентр, которым оказалась некогда огромная страна. И это было вновь "до основанья, а затем…". Новый мир всё ещё не построен. Но, кто был никем, тот уже кем-то стал. А остальные (за исключением тех самых детей и внуков) на своей шкуре испытывают правоту великого высказывания: "Не дай вам Бог жить в эпоху перемен". Выживали и приспосабливались все, как могли, и это демонстрируют персонажи книги, в том числе и главный герой, вынужденный стать "вором, шпионом и убийцей". Он сумел зафиксировать главное – время перемен.

"Воздух менялся. Воля мало-помалу превращалась в свободу, "деревянные" – в деньги, бунтари – в налогоплательщиков, на смену людям-гироскопам, руководствовавшимся собственными принципами, пришли люди-радары, подстраивающиеся под мнения друзей или властей, появлялись гипермаркеты, вытеснявшие магазинчики "Все для вас", дилемма "быть или иметь" решалась в пользу обладания, водка мало-помалу уступала вину, в кредитных отделах банков выстраивались очереди, разгорался строительный бум, на смену бандитам пришли чиновники… Я против новых революций… Ведь всякая революция у нас устроена таким образом, что у нее есть только один безусловный победитель.

Это третьеразрядный чиновник, бандит, военный низкого чина, бывший крестьянин, которого достала деревня, ну или мелкий служащий – сравнительно молодой, не очень культурный, зато очень напористый, который откровенно томится в скучном и медленном порядке старого государства… Интеллигенция в революции, напротив того, всегда в проигравших. Поначалу она торжествует, пытается импортировать разные передовые идеи, но потом ей неизменно указывают на дверь, и еще хорошо, если это дверь, за которой отставка или эмиграция. Чаще – тюрьма, а то и пуля. Народ, негромкое бедное большинство, – проигрывает еще больше. Только при зрелом Путине это большинство получило хоть что-то существенное взамен поздней советской власти…".

Входит ли в понятие "хоть что-то" литература высокого уровня? Не знаю. В последнее время часто слышится – русская проза (и поэзия) в упадке. Хотя уровень литературы, талант авторов зависит от смены политического строя, на мой взгляд, в той же степени, что и от перемены климатических условий. Талант, он, как говорится, или есть, или нет. Такие книги, как "Стален", свидетельствуют, что, скорей, есть. В одной из песен эпохи развитого "изма" пелось "Ленин в счастливом дне… Ленин в тебе и во мне…". Не хочу утверждать, что Стален близок нам в той же степени, но отражение его витает в воздухе. А мы им дышим.